
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF MODERN CRIMINOLOGY

УДК 343.85

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(3).369-384

ПРЕДМЕТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Л.М. Прокументов¹, А.В. Шеслер^{1, 2}

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

²Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
12 февраля 2019 г.

Дата принятия в печать
7 июня 2019 г.

Дата онлайн-размещения
4 июля 2019 г.

Ключевые слова

Предмет криминологии;
преступность; личность преступника;
детерминанты преступности;
криминологическое предупреждение
преступности; криминализация
деяний; декриминализация деяний

Аннотация. В статье анализируется содержание предмета криминологии, в который включаются преступность, криминализация деяний, декриминализация деяний, личность преступника, детерминанты преступности, криминологическое предупреждение преступности. Авторами отстаивается такой подход к определению преступности, в соответствии с которым преступность представляет собой социальное (общественно опасное, относительно массовое, исторически изменчивое) и уголовно-правовое явление, включающее в себя образующую систему совокупность преступлений и лиц, их совершивших, на определенной территории в определенный промежуток времени. Авторы полагают, что в предмет криминологии должна войти криминологическая обусловленность существования или изменения уголовно-правового запрета, а в предмет науки уголовного права — социальная обусловленность установления уголовно-правового запрета, а также законодательная техника криминализации и декриминализации деяний. В статье указывается, что наиболее оптимальным является такой подход к личности преступника, в соответствии с которым она должна рассматриваться как совокупность социальных, биологических и психологических качеств лица, совершившего преступление. Авторы подчеркивают, что к объяснению существования преступности следует подходить с детерминистских позиций, которые позволяют показать различное влияние многих социальных явлений на преступность. Причины преступности порождают ее как закономерное следствие, условия формируют причины преступности или способствуют проявлению этих причин, факторы создают определенный благоприятный фон для существования преступности. В статье отмечается изменение механизма действия общесоциальных детерминантов преступности под влиянием процессов глобализации. Они начинают оказывать негативное действие на личность не через малые социальные группы, в которых осуществляется ее социализация, а непосредственно, в частности через Интернет. Авторы констатируют, что предметом криминологии выступает криминологическое предупреждение преступности, осуществляемое в форме принуждения, не связанного с реализацией мер уголовно-правового характера, а также в форме защиты прав и законных интересов личности, оказания ей социальной и правовой помощи.

THE OBJECT OF RUSSIAN CRIMINOLOGY

Lev M. Prozumentov¹, Alexander V. Shesler^{1, 2}

¹National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation

²Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, the Russian Federation

Article info

Received
2019 February 12

Accepted
2019 June 7

Available online
2019 July 4

Abstract. The authors analyze the content of the object of criminology, which includes criminality, criminalization of actions, decriminalization of actions, the personality of the criminal, determinants of crime, criminological prevention of crime. They support the definition of criminality according to which it is a social (socially dangerous, relatively mass, historically changing) and criminal law phenomenon that includes a system-forming aggregate of crimes and persons who have committed them in a certain territory within a certain period of time. The authors believe that the object of criminology should include the criminological conditionality of the existence or the change of the criminal law prohibition, while the object of the science of criminal law should include the social

Keywords

Object of criminology; crime; personality of a criminal; determinants of crime; criminological crime prevention; criminalization of actions; decriminalization of actions

conditionality of establishing the criminal law prohibition as well as the legislative methodology of criminalizing and decriminalizing actions. It is stated in the article that the best approach to the personality of the criminal views this personality as an aggregate of social, biological and psychological qualities of the person who has committed a crime. The authors stress that the existence of criminality should be explained from deterministic positions which make it possible to show the diverse influence of many social phenomena on criminality. Criminality originates from its causes as a natural consequence, the conditions form or contribute to the emergence of the causes of crime, the factors create a certain favorable background for the existence of criminality. The authors describe changes in the action mechanism of general social determinants of crime under the influence of globalization. They begin to exercise their negative influence on a person not through small social groups in which socialization takes place, but directly, especially through the Internet. The authors state that the object of criminology is the criminological prevention of crime in the form of coercion not connected with the implementation of criminal law measures, as well as in the form of protecting the rights and lawful interests of a person and providing social and legal support.

Предмет отечественной криминологии на целые десятилетия в главном уже был определен в первом учебнике 1966 г. Поэтому дискуссия относительно предмета криминологии касалась не столько перечня элементов, составляющих ее предмет, сколько содержательной характеристики этих элементов. Авторы учебника включили в предмет криминологии такие элементы, как преступность, ее причины и различные меры борьбы с преступностью, направленные на ее искоренение и предупреждение [1, с. 8–9]. Осторожной была позиция авторов по поводу включения в предмет криминологии личности преступника. С одной стороны, они указывали на необходимость изучения такой личности и посвятили ее исследованию пятую главу учебника. С другой стороны, авторы отмечали, что наиболее правильным будет рассмотрение особенностей личности преступника не отдельно, а в ее связи с совершенным деянием, в связи с обстоятельствами, способствующими совершению преступления. Такая позиция, по мнению авторов учебника, позволяла избежать неверного подхода буржуазной криминологии, выделявшей «врожденные» биологические черты, свойственные некоторым категориям преступников [там же, с. 5].

Однако уже через год авторы курса лекций для студентов Всесоюзного юридического заочного института без всяких оговорок включили личность преступника в качестве самостоятельного элемента в предмет криминологии наряду с преступностью, порождающими ее социальными причинами и условиями, способствующими совершению преступлений, а также мерами предупреждения преступности [2, с. 9–10]. В 1970-е гг. личность преступника включалась в предмет криминологии уже без всяких ого-

ворок [3; 4]. В последующий период и по настоящее время большая часть исследователей исходили из того, что предмет криминологии составляют четыре основных элемента, а именно: преступность, личность преступника, причины преступности, предупреждение преступности [5, с. 3–5; 6, с. 18; 7, с. 4–5; 8, с. 1; 9, с. 7; 10, с. 10–11; 11, с. 51].

Вместе с тем с момента возрождения отечественных криминологических исследований в начале 1960-х гг. в литературе всегда наблюдалось стремление к расширению предмета криминологии. Различные авторы помимо четырех перечисленных элементов к предмету криминологии относили прогнозирование преступности [12, с. 23], социально отклоняющееся поведение [13, с. 49–54], причины конкретного преступления [14, с. 5–6], историю науки, механизм преступной деятельности, виктимологию, криминологическое прогнозирование и планирование [15, с. 13–15], преступное поведение [16, с. 14], жертву преступления, методы, формы и технику деятельности по профилактике преступлений [17, с. 6–7], последствия преступности [18, с. 9], криминализацию и декриминализацию деяний [19, с. 14–15] и др. По поводу этих позиций отметим следующее.

Прогнозирование преступности, как и планирование мер борьбы с ней, является задачей криминологии. Изучаются они этой наукой не сами по себе, а в связи с предупреждением преступности. Социально отклоняющееся поведение составляет предмет такой формирующейся науки, как девиантология. Подобное поведение интересует криминологию как фактор преступности или как одно из ее проявлений. Например, проституция интересует криминологию в тех случаях, когда речь идет о проститутках как

о социальной группе, обладающей повышенной виктимностью, либо в тех случаях, когда проституция выражается в уголовно наказуемом деянии (например, вовлечение в занятие проституцией, ответственность за которое предусмотрена ст. 240 УК РФ). Конкретное преступление исследуется не само по себе, а как частное проявление преступности. Причины конкретного преступления исследуются как причины преступности на индивидуальном уровне, механизм преступного поведения тоже изучается не сам по себе, а как процесс динамичного взаимодействия причин и условий конкретного преступления. Жертва преступления интересует криминологию не во всем ее многообразии, а как элемент механизма преступления, который рассматривается в рамках таких элементов предмета криминологии, как детерминанты преступности и ее предупреждение. Последствия преступности выступают одним из основных показателей последней, поэтому исследуются в рамках этого основного элемента предмета криминологии. Методы, формы и технику деятельности по профилактике преступлений также не следует выделять в качестве самостоятельного элемента предмета криминологии, потому что не существует профилактики преступности вообще вне конкретных ее методов, форм и техники. Следовательно, эти явления должны изучаться в рамках четвертого элемента предмета криминологии, в рамках предупреждения преступности. И наконец, нет оснований для выделения в отдельный элемент предмета криминологии ее истории. Криминология состоит из научных теорий, которые имеют свой предмет, изучаемый определенными методами. История криминологии отражает развитие существующих в отдельные периоды научных представлений о предмете и методе этой науки.

Однако развитие отечественной криминологии не означает, что предмет ее не изменяется. Это изменение происходит как за счет расширения предмета ее исследования, так и за счет изменения содержания элементов, составляющих этот предмет. Полагаем, что возникли основания для выделения в качестве самостоятельного предмета криминологии проблем криминализации и декриминализации деяний. Существование уголовного закона, его содержание во многом зависят от криминологических явлений, и прежде всего от состояния преступности. Именно поэтому немыслимо совершенствование уголовного законодательства без

предшествующих ему глубоких криминологических исследований [20, с. 3–5]. Однако криминализация и декриминализация деяний являются междисциплинарной проблемой, поскольку составляют предмет криминологии и уголовного права. На наш взгляд, в предмет криминологии должна войти криминологическая обусловленность существования или изменения уголовно-правового запрета (характеристики определенного вида преступлений, лиц, их совершивших, состояние противодействия этому виду преступности), а в уголовно-правовую науку — социальная обусловленность установления уголовно-правового запрета, а также законодательная техника криминализации и декриминализации деяний.

Изменение содержания элементов, составляющих предмет криминологии, обусловлено развитием ее комплексного, социально-правового характера. Это означает, что ее предмет, с одной стороны, все более четко отграничивается от предмета уголовного права, с другой стороны, все в большей степени начинает включать в себя применительно к преступности явления, составляющие содержание других наук.

Отграничение предмета криминологии от предмета уголовного права состояло прежде всего в том, что выделялся основной элемент предмета криминологии — преступность, которая первоначально определялась как совокупность преступлений, совершенных в стране за определенный промежуток времени в силу социальных причин и условий. Подчеркивался классовый характер преступности, определялись ее показатели в виде количества зарегистрированных преступлений, ее уровня (с количеством населения), структуры и динамики [1, с. 53–57; 2, с. 19–20]. Достаточно емкое определение преступности как относительно массового исторически изменчивого социального явления классового общества, имеющего уголовно-правовой характер, слагающегося из всей совокупности преступлений, совершенных в соответствующем государстве в определенный промежуток времени, было дано Н.Ф. Кузнецовой. Автор подробно описала выделенные признаки и показатели преступности (состояние, структуру и динамику), а также поставила вопрос о критериях учета преступности [21, с. 173–184]. Данное определение было настолько удачным, что в дальнейшем многие авторы, определяя преступность, повторяли его. В последующем исследователи расходились главным образом

в том, сколько из выделенных Н.Ф. Кузнецовой признаков нужно включать в понятие преступности. В основном из этого определения в постсоветский период авторы исключали классовый характер преступности, утверждая, что она вечный спутник человеческого общества.

Следует отметить, что определение преступности, которое предложила Н.Ф. Кузнецова, было положено в основу официального определения преступности, содержавшегося в Федеральной программе Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы, утвержденной указом Президента РФ от 24 мая 1994 г. № 1016. В этом документе преступность определялась как социально-правовое относительно массовое явление, включающее совокупность запрещенных уголовным законом общественно опасных деяний, совершенных в течение определенного периода на определенной территории.

Такой подход к определению преступности назван в литературе классическим. Он, на наш взгляд, наиболее емко и существенно отражает явление преступности. Поэтому, взяв за основу анализа предложенное Н.Ф. Кузнецовой определение преступности, следует раскрыть основные признаки этого явления с учетом разработок криминологов на сегодняшний день.

Безусловно, преступность — явление социальное. Оно таково прежде всего по своей сущности, которая заключается в общественной опасности, так как преступность способна причинять существенный вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, а также обладает свойством прецедентности, т.е. возможности повторяемости в будущем. На свойство общественной опасности преступности в советский период указывали лишь отдельные авторы, в постсоветский период развития отечественной криминологии этой позиции с ее обоснованием стало придерживаться более значительное число исследователей [22, с. 43–48; 23, с. 23–24; 24, с. 12–17; 25, с. 17]. Фактическим проявлением общественной опасности преступности (прежде всего ее прецедентности) служит ее относительная массовость, состоящая в том, что преступность представлена не отдельным социальным фактом, а значительным числом преступлений, а также преступников, совершивших эти преступления в одиночку или в составе группы. Так, по данным МВД России, в 2017 г. в стране зарегистрировано 2 058 476 преступлений, лиц, их совершивших, — 967 103, из

них лиц, совершивших преступления в составе группы, — 131 165 (13,6 %)¹. Однако массовый характер преступности относителен. Это значит, что преступное поведение не является социальной нормой, а подавляющее количество людей, проживающих на определенной территории в течение периода, в который регистрируется преступность, в конфликт с уголовным законом не вступает.

О социальном характере преступности свидетельствует ее историческая изменчивость. Преступность меняется не только в период перехода от одной модели развития общества к другой, но и на различных этапах одной модели развития общества. Особенно показательна в этом отношении преступность в СССР до 1990-х гг. и преступность на постсоветском пространстве 1990-х гг., которая характеризовалась резким ростом, усилением корыстно-насильственной направленности, большим объемом преступлений в сфере экономики. Данный факт обусловлен социальными обстоятельствами, а именно трагическим распадом СССР и деструктивным переходом советского общества к исторически изживающей себя рыночной модели жизнедеятельности. Иные факторы, например психические отклонения личности, влияют не на преступность в целом, а на отдельное преступное поведение или группы преступлений (в частности, на неосторожную преступность, преступность несовершеннолетних).

В связи с социальным характером преступности в советский период подчеркивался ее классовый характер исходя из марксистского подхода, согласно которому история всех существовавших обществ была историей борьбы классов (К. Маркс, Ф. Энгельс «Манифест коммунистической партии», В.И. Ленин «Государство и революция» и др.). Авторы отмечали, что преступность возникла в ту эпоху, когда появилась частная собственность и общество раскололось на антагонистические классы. Государство как инструмент классового господства охраняло интересы эксплуататорского меньшинства методами уголовных репрессий [21, с. 7–10; 26, с. 3–14].

В наши задачи не входит рассмотрение политологических проблем государства и права, классовой борьбы и т.д. Ограничимся указанием на то, что марксистская теория являлась лишь одной из доктрин происхождения государства и права. Причем родоначальники этой

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2017 года. М., 2018. 52 с.

доктрины помимо афинской формы перехода родового общества к государству, при которой государство, по их мнению, явилось прямым следствием разделения общества на враждующие классы, выделяли иные формы. В частности, Ф. Энгельс выделял германскую форму, при которой образование государства было ускорено завоеванием древнегерманскими племенами чужих территорий, а также римскую, при которой государство возникло в результате борьбы между двумя свободными группами населения — плебсом (народом) и родовой знатью («Происхождение семьи, частной собственности, государства»). Ранний К. Маркс выделял азиатский тип государства (Индия, Египет и др.), которое возникло в результате необходимости централизации труда большого количества людей для ведения сельского хозяйства, основанного на сложных оросительных сооружениях («Британское владычество в Индии»). Таким образом, даже взгляды этих исследователей не позволяют сделать вывод о классовом происхождении государства и права, а также преступности. В работах, в определенной мере касающихся преступности, К. Маркс подчеркивал влияние на законодательное определение преступного поведения не классов, а экономических интересов привилегированных сословий («Дебаты по поводу закона о краже леса»), Ф. Энгельс в качестве причины преступного поведения английских рабочих указывал голод и т.д. («Положение рабочего класса в Англии»). Таким образом, ценным в марксистском подходе является признание существенного влияния экономических процессов на преступность, а также существенного влияния господствующих групп (не обязательно классов) на определение преступного поведения.

Советские криминологи обосновывали классовый характер преступности также ее исторической судьбой, утверждая, что преступность «отомрет» вместе с исчезновением «рудимента» прошлых формаций в виде государства, права и классов. В качестве доказательства своей гипотезы авторы указывали на то, что ликвидация эксплуататорских классов повлияла на социально-классовое содержание преступности, которая все больше перестает носить характер классовой борьбы [21, с. 26–36; 27, с. 86–91]. Реальная практика социализма не подтвердила прогноз об отмирании преступности, в связи с чем даже авторы этого прогноза стали говорить о том, что ни одна социально-политическая система не

свободна от преступности, поэтому ее невозможно искоренить, однако возможно «удержать на определенном уровне» [28, с. 90–92]. В настоящее время отечественные криминологи присоединились к высказанному в 1970-х гг. мнению Э. Шура о том, что нет ни одной социально-экономической системы, предложившей противоядие от преступности [29, с. 175]. Исследователи утверждают, что в данном смысле преступность — явление вечное [30, с. 23–29]. Это означает, что историческая судьба преступности связана не с ее исчезновением, а с ее изменчивостью, зависимостью ее показателей в основном от социальных процессов в обществе, в определенной мере — от моделей противодействия ей, которые по содержанию являются прежде всего социальными.

Важно отметить, что на преступность как на социальную проблему обратили внимание только в 20-е гг. XX в., и произошло это в США. Введение сухого закона вызвало рост организованной преступности в стране. С особыми проблемами столкнулся город Чикаго, значительную часть населения которого составляли люди, родившиеся за границей, отличавшиеся высоким потреблением пива. Поставки пива велись в этот город в широких масштабах, именно здесь возникли соперничающие группы, занятые этим бизнесом. Схватки между ними приводили к убийствам. В 1920-е гг. в результате столкновений гангстерских банд было убито более тысячи человек. В этот период организации гангстеров уже оказывали влияние на политику городских властей, таким образом обеспечивая себе безопасность. Именно представители Чикагской школы сосредоточили свое внимание на вопросах окружения и его влияния на человека [31–35].

Дискуссионным представляется вопрос о системном характере преступности. Отдельные авторы полагают, что преступность не является системой, поскольку она не лишена стихийности, связь между компонентами преступности отсутствует, преступность не обладает свойством саморазвития [36, с. 23–29]. Мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые изучают преступность как социальную систему и приводят в этой связи следующие аргументы. Во-первых, преступность в целом обнаруживает статистическую закономерность, состоящую в ее повторяемости, устойчивой зависимости ее показателей от детерминантов [37, с. 39–50]. Во-вторых, в значительном числе случаев между престу-

плениями существует взаимосвязь. Различные виды преступности связаны между собой еще теснее, чем отдельные преступления [38, с. 13–16]. Например, рост преступности несовершеннолетних через некоторое время оказывает заметное влияние на рост рецидивной преступности, так как значительная часть преступников-рецидивистов начинают свою преступную деятельность в несовершеннолетнем возрасте. В-третьих, преступность как система обладает значительной самостоятельностью по отношению к причинам, ее породившим. Это выражается как в «инертности» преступности, т.е. в определенном ее отставании от социальных процессов, так и в ее относительной самостоятельности, которая выражается в самовоспроизводстве преступности, т.е. в ее способности развиваться по собственным закономерностям, и в самосохранении [39, с. 15]. В-четвертых, преступность как система обладает совокупностью образующих ее содержание элементов, в число которых входят преступления, а также лица, их совершившие. Первоначально исследователи в содержание преступности включали только совокупность совершенных преступлений. Однако в настоящее время в содержание преступности стали включать и лиц, их совершивших [7, с. 30; 37, с. 45; 40, с. 26–27; 41, с. 23–29]. На такой позиции базируется система современного статистического учета преступности в России. В соответствии с Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений от 29 декабря 2005 г. основными единицами статистического учета являются совершенные преступления и лица, их совершившие². И наконец, системный характер преступности обусловлен тем, что она существует не вообще, не где-то и когда-то, а имеет временную и территориальную определенность. Временная определенность преступности характеризует ее в определенный исторический период или более короткий промежуток времени, позволяет проследить изменение преступности во времени и ее взаимосвязь с общественными процессами. Территориальная определенность преступности характеризует ее особенности в отдельных регионах страны, в отдельных населенных пунктах, взаимосвязь преступности с социальными процессами на конкретной территории. Признание системного характера

² Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 5.

преступности позволило изучать ее как целостную социальную систему [42].

И наконец, преступность — явление уголовно-правовое, так как ее содержание образуют такие деяния вместе с совершившими их лицами, которые уголовным законом признаны преступлениями. Изменения в уголовном законе относительно круга криминализованных или декриминализованных деяний неизбежно влекут изменение структуры преступности. Этот признак позволяет отграничить преступность как от различных видов социальных отклонений (алкоголизма, наркомании, проституции, бродяжничества и т.п.), так и от правонарушений, которые не являются преступлениями. Криминализация деяний обусловлена объективной потребностью общества в защите наиболее важных общественных отношений от общественно опасных посягательств. Декриминализация обусловлена отпадением такой потребности. Однако сами криминализация и декриминализация — это продукт правотворческой деятельности государства, который может быть ошибочным или не в полной мере отражать общественные потребности. Для того чтобы общественные потребности были адекватно отражены в тексте уголовного закона, криминализация и декриминализация деяний должны быть предметом научных криминологических исследований. Как нами уже отмечалось, важным в этом аспекте является разграничение предмета криминологии и уголовного права. Криминология должна изучать криминологическую обусловленность существования или изменения уголовно-правового запрета, а наука уголовного права — социальную обусловленность криминализации и декриминализации деяний, а также законодательную технику установления или отмены уголовно-правового запрета.

Личность преступника в отечественной криминологии изучалась исходя из того, какого подхода придерживались ее исследователи, — биологического, социологического или психологического.

Сторонники биосоциального подхода, сформировавшегося во второй половине XIX в. в России под воздействием антропологического направления в западной криминологии, в качестве биологических свойств личности, определяющих ее преступное поведение, указывали возраст [43, с. 33–45], порочность психофизической организации [44, с. 82, 93–95, 587–588], неблагоприятную наследственность [45, с. 413–418] и

др. В 1920-х гг. в качестве определяющих свойств преступного поведения ученые выделяли психофизические аномалии, предлагая заменить суд медицинской терапией [46, с. 117–125]. В 60–70-х гг. прошлого столетия активным сторонником биосоциального подхода был И.С. Ной. Исследователь в качестве причин преступного поведения при социализме, обладавшем, по его мнению, антикриминогенным характером, указывал определенные генами патологические свойства личности. Неблагоприятная социальная среда, в которую попадала личность с такими свойствами, играла в совершении ею преступления роль условий. Исходя из этого, И.С. Ной предлагал опереться на генетиков в профилактике преступлений [47, с. 164–165, 173, 178–180]. Отметим, что биосоциальный подход в отечественной криминологии не стал основным в силу очевидного доминирующего влияния на преступное поведение социальных явлений. Криминологи стали исходить из того, что на преступное поведение из всех биологических свойств заметное влияние оказывают только психические аномалии. Однако они являются условиями, а не причиной совершения некоторых преступлений, затрудняя нормальное развитие личности или способствуя проявлению ее криминогенной мотивации [48, с. 47–48].

Формирование социологического подхода было связано с творческой адаптацией криминологами зарубежных и отечественных социологических исследований личности как определенного социального типа. Отечественные криминологи тоже стали заявлять о преступнике как о социальном типе, обладающем выраженными социально типичными свойствами, отличающими преступника от законопослушных граждан [49, с. 16–42]. Сначала такие свойства находились в социально-демографических данных лиц, совершивших преступления. Исследования показали, что среди преступников больше мужчин, больше молодежи, чем лиц старших возрастных групп, меньше лиц, состоящих в браке, чем среди законопослушного населения, и т.д. [50]. Долго удовлетвориться этими данными криминологи не могли, так как они не отвечали на вопрос о том, почему человек совершает преступления. Поэтому в качестве социально типичного свойства личности преступника стала выделяться ее общественная опасность. По мнению исследователей, она выражается в реальной угрозе совершения лицом, ранее совершавшим преступление, нового пре-

ступления. В качестве основного критерия этой общественной опасности называлось уже совершенное преступление. Сама общественная опасность личности преступника была обусловлена антиобщественным отношением личности к важнейшим социальным ценностям в различных его формах: простое антиобщественное отношение, характерное для случайных преступников; антисоциальная установка личности, свойственная лицам, совершающим преступления либо под влиянием благоприятной криминогенной ситуации, либо в нейтральной для преступления обстановке; антисоциальная направленность личности, которая характерна для лиц, способных совершать преступления не только в благоприятной криминогенной или нейтральной ситуации, препятствующей совершению преступления [20, с. 35–39]. Этот подход обосновывал социальную детерминацию индивидуального преступного поведения, давал социально типичный облик преступника, ориентировал на меры социального предупреждения преступлений. Вместе с тем такой подход не учитывал индивидуальные особенности преступника, имеющие биологическую или психологическую основу, которые влияли на механизм конкретного преступного поведения.

Сторонники психологического подхода стремились найти в личности преступника специфические психологические качества, отличающие его от законопослушных граждан. В 1970–1980-е гг. ученые указывали на деформацию правосознания, потребностей, ценностных ориентаций и т.д. [51; 52]. Однако эти деформации были обнаружены и у контрольной группы законопослушных граждан. Развитие психологического подхода привело Ю.М. Антоняна к выводу о том, что личность преступника характеризуется ее отчужденностью от общества из-за утраты эмоциональных связей в основных сферах человеческого общения. В одних случаях отчуждение личности выражается в состоянии тревожности индивида за свой биологический или социальный статус. Если человек ощущает угрозу смерти, он субъективно защищает свою жизнь и находит эмоциональный комфорт в совершении насильственных преступлений. Если человек ощущает угрозу своему социальному статусу, он совершает корыстные и корыстно-насильственные преступления [53, с. 4]. Такая постановка вопроса позволила объяснить негативное формирование личности в социальной среде. Вместе с тем недостаток данной позиции

состоит в том, что психологическое отчуждение влечет не только преступное, но и иные виды поведения, отклоняющегося от социальной нормы (пьянство, употребление наркотиков и т.д.).

Однобокость трех рассмотренных подходов в отдельности привела исследователей к выводу о необходимости изучения не столько личности преступника (она представляет лишь статистически значимое понятие, определяющее, сколько лиц совершило преступления), сколько психологического механизма индивидуально-преступного поведения, отражающего взаимодействие личности с ситуацией совершения преступления [54, с. 185–189]. С этим нельзя согласиться в полной мере, поскольку без изучения обобщенного портрета личности преступника нельзя определить, какие ее свойства задействованы в механизме преступления.

В настоящее время сформировался наиболее оптимальный подход к изучению личности преступника, которая, по мнению исследователей, представляет собой совокупность интегрированных социально значимых негативных свойств и психологических особенностей [55; 56]. Такая постановка проблемы позволяет охарактеризовать демографические особенности преступника (преобладание среди преступников мужчин, молодых людей, лиц без определенного места жительства и постоянного источника дохода и т.д.), специфические психологические свойства (отчужденность от общества, трудности адаптации в обществе и т.д.), влияние биологических свойств (в основном психических аномалий) на преступное поведение.

Изучение причин преступности в отечественной криминологии с момента ее возрождения с 1960-х гг. сначала оторвалось от идеологической догмы о том, что социализм является антикриминогенной системой, затем пришло к объединению детерминистского и казуального подходов.

Идеологическая догма о том, что социализм является антикриминогенной системой, не означала, что отечественные криминологи в советский период отрицали отсутствие социальных причин преступности при социализме. Исключение составляла лишь позиция И.С. Ноя о том, что антикриминогенный характер социализма означает наличие биологических причин преступного поведения. Эти причины, как уже отмечалось, усматривались автором в передаваемых по наследству патологических свойствах личности, попадающей в неблагоприятную со-

циальную среду, играющую роль условий совершения преступления [47, с. 164–165, 173, 178–180]. Безусловно, такая позиция, снимающая с общества ответственность за преступность, не устраивала ни ученых, ни практиков, противодействующих преступности. Большая часть исследователей признавали наличие социальных причин преступности при социализме. Однако они полагали, что коренных причин преступности при социализме нет, так как нет противоречий, свойственных эксплуататорским обществам (эксплуатации людей, частной собственности, безработицы, классовой вражды и т.д.). Сами причины преступности, по мнению авторов, состояли в пережитках мелкобуржуазной психологии в общественном, групповом и индивидуальном сознании людей, которое отстает от позитивных изменений в социалистическом обществе. Отдельные недостатки в практике строительства социализма, а также агрессивное империалистическое окружение являются условиями для проявления в преступном поведении этих пережитков [2, с. 29–36; 27, с. 89–90; 57, с. 39–56, 150–151, 175–183]. Недостатком такого подхода помимо двойных стандартов в объяснении причин преступного поведения являлось также то, что его сторонники в практике борьбы с преступностью предлагали сделать упор не на улучшение условий жизни людей, а на уголовно-правовую политику, прежде всего на реализацию наказания [57, с. 101].

Позднее исследователи объясняли причины преступности при социализме не только субъективными (пережитками прошлого в сознании людей), но и объективными явлениями, вытекающими из противоречий общественного развития, конкретно-исторических условий строительства социализма (война, неурожай и т.д.), ошибок и недостатков в управлении обществом. Однако эти противоречия авторы объясняли пережитками прошлых общественно-экономических формаций (прежде всего социализма) в общественном бытии социализма (несколько форм собственности, наличие классовых различий, различие между умственным и физическим трудом, городом и деревней и т.д.) [58, с. 32–33; 59, 188–190]. Несмотря на апологетику социализма как антикриминогенной системы, указанный подход был позитивен тем, что ориентировал государство на улучшение условий жизнедеятельности населения как основное направление в предупреждении преступности, а также позволил провести многочисленные ис-

следования по выявлению реальных общественных проблем, влияющих на состояние преступности. Как уже отмечалось, неподтвердившийся прогноз об отмирании преступности при социализме побудил отечественных криминологов скорректировать свои суждения об антикриминогенном характере социализма. В настоящий период исследователи исходят из того, что нет ни одного общества, свободного от проблем, порождающих преступность. Главная задача криминологии состоит в том, чтобы на каждом этапе развития определенного общества выделить его специфические проблемы, которые нужно решать для предупреждения преступности.

Объединение детерминистского и казуального подходов к установлению явлений, определяющих существование и состояние преступности, было обусловлено тем, что кроме причин, порождающих преступность как свое закономерное следствие, а также условий, формирующих причины преступности или способствующих их проявлению, установлены иные явления, влияющие на преступность, получившие название факторов преступности. К числу таких факторов следует относить, например, миграцию населения как внутри страны, так и из-за рубежа. Сама по себе миграция не является преступной (за исключением деяния, предусмотренного ст. 322 УК РФ), не порождает преступность как свое закономерное следствие и не выступает условием преступности. Однако современные незаконные миграционные процессы несут в себе значительную угрозу социальной стабильности современной России, поскольку мигранты включаются в систему незаконной трудовой занятости, теневую и криминальную экономику, нередко создают благоприятную среду для экстремистской и террористической деятельности, в отдельных случаях служат благоприятным фоном для совершения преступлений, связанных с миграцией (ст. 322.1–322.3 УК РФ).

Соединение детерминистского и казуального подходов в криминологии, начавшееся в советское время, получило развитие в начале 2000-х гг., так как объяснительный потенциал казуального подхода в связи с усложнением социально-экономических процессов под влиянием глобализации оказался недостаточным. Глобализация существенно изменила выделенный советскими криминологами многоуровневый механизм действия детерминантов преступности: на уровне всего общества, социальных групп и отдельной личности [57, с. 52]. Еще не-

сколько десятилетий назад общесоциальные детерминанты преступности воздействовали на личность через малые социальные группы (семью, соседскую общину, трудовые и учебные коллективы и т.д.). Эта социально-психологическая среда смягчала или нейтрализовала действие негативных общесоциальных процессов через систему действующих в ней социальных норм и групповое воздействие на личность. В настоящее время через Интернет отрицательные негативные явления действуют на личность непосредственно, формируют ее криминогенную мотивацию, минуя малые социальные группы. Достаточно сказать о вербовке через социальные сети в террористические и экстремистские организации подростков и молодежи, подстрекательстве их к незаконным массовым протестным акциям и т.д.

Все изложенное выше означает, что правильно говорить не о причинах и условиях преступности как элементе предмета криминологии, а о детерминантах преступности, включающих в себя причины, условия и факторы преступности. Причины преступности характеризуют ее продуцирование. Связь между причиной и преступностью носит генетический характер, поскольку причина порождает преступность как свое закономерное следствие. Условия преступности характеризуют ее обусловливание, поскольку они создают благоприятные возможности либо для формирования причин преступности, либо для реализации этих причин [57, с. 47]. Факторы преступности отражают функциональную зависимость между преступностью и социальными явлениями (миграцией, урбанизацией и т.д.). Это означает, что изменение значения социального явления не приводит к тождественным изменениям преступности. Данное обстоятельство объясняется тем, что связь между преступностью и ее факторами опосредована антикриминогенными явлениями, искажающими действие криминогенных факторов [19, с. 144].

Наибольшими являются расхождения в наименовании и содержании последнего элемента предмета криминологии — противодействия преступности. Прежде всего, некоторые авторы полагают, что профилактика и предупреждение означают различные виды недопущения преступлений [60, с. 35–42; 61, с. 12–13]. Другие авторы, анализируя лексическое значение этих терминов, приходят к обоснованному выводу о том, что они являются тождественными [62, с. 5–8]. Полагаем, что любое недопуще-

ние преступности предполагает деятельность по выявлению ее причин и условий, а также воздействие на социальную среду или личность с целью устранения либо нейтрализации этих причин и условий. Кроме того, для обозначения деятельности по недопущению преступности используются термины «борьба» [36, с. 125–126] и «контроль» [63, с. 69]. Полагаем, что данные термины отражают не столько содержание деятельности по недопущению преступлений, сколько определенную стратегию воздействия на преступность. Термин «борьба с преступностью» (публицистический и популистский вариант термина — «война с преступностью») в большей степени характеризует силовую и бескомпромиссную стратегию воздействия на преступность [64, с. 35–36]. Обывателю такая терминология нравится, она находит поддержку и у правоохранительных органов. Однако эта стратегия не ориентирует общество и государство на воздействие на причины и условия преступности. Термин «контроль над преступностью» характеризует стратегию некоторого пассивного отношения общества к состоянию преступности: преступность — явление вечное, неизбежное, это плата за человеческие пороки, поэтому реальной является только задача удержания преступности на определенном уровне [28, с. 91–92]. Совершенно очевидно, что такая стратегия для общества также неприемлема, поскольку уровень преступности, на котором ее нужно будет держать, определяет государство, исходя из того, как оно финансирует правоохранительную систему и общесоциальные мероприятия, воздействующие на причины и условия преступности. Дороговизна социальных программ, улучшающих условия жизни людей, может приводить к тому, что государство будет снижать уровень удержания преступности.

Однако главным в характеристике рассматриваемого предмета криминологии является определение того, что собой представляет именно криминологическое предупреждение (профилактика) преступности, так как термин «предупреждение» применяется в разных значениях. В частности, он употребляется в ст. 2, 43 УК РФ, в ст. 1, 83 и других статьях УИК РФ. Совершенно очевидно, что речь в этих статьях идет о предупреждении преступлений, осуществляемом с использованием наказания, иных мер уголовно-правового характера, а также средств исправления осужденных (ст. 9 УИК РФ). Безусловно, такое предупреждение не входит в предмет крими-

нологии и является предметом соответственно науки уголовного и уголовно-исполнительного права. В предмет криминологии частично входит профилактика правонарушений, определение которой дано в ст. 2 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Хотя в этом законе говорится о профилактике правонарушений (административных правонарушений и преступлений) в целом, его положения можно отнести к криминологическому законодательству, так как профилактика административных правонарушений и преступлений в значительной мере совпадает по объекту воздействия (причины и условия правонарушений, лица, их совершившие), характеризуется сходными формами (профилактическая беседа, профилактический учет и т.д.), осуществляется одними субъектами (федеральными органами исполнительной власти, прокуратурой и др.). Кроме того, профилактику административных правонарушений следует относить к профилактике преступлений потому, что эти правонарушения нередко относятся к факторам преступности (например, занятие проституцией, незаконная миграция), которые, как уже отмечалось, создают благоприятный фон для преступности, а поэтому относятся в криминологии к одной из детерминантов последней. Однако криминологическое предупреждение шире предупреждения административных правонарушений. Оно воздействует не только на лиц, совершивших административные правонарушения, но и на лиц, совершивших преступления, предполагает более широкий спектр форм профилактического воздействия (например, ресоциализация воздействует только на лиц, совершивших преступления, — отбывших наказание или подвергнутых иным мерам уголовно-правового характера), а также более широкий круг субъектов, реализующих меры профилактики (в частности, следственные органы следует относить к субъектам профилактики преступлений).

В целом отметим, что названный закон является большим шагом в выделении предупреждения, отличного от того предупреждения, в котором реализуется уголовная политика (уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная), связанная в основном с правовым принуждением. В ст. 17 рассматриваемого закона большая часть перечисленных форм профилактического воздействия не связана с принуждением (правовое просвещение и право-

вое информирование, социальная адаптация, ресоциализация, социальная реабилитация, помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подвергнутым риску стать таковыми).

Важность выделения именно криминологического предупреждения преступности в качестве элемента предмета криминологии обусловлена тем, что в науках криминального цикла до сих пор нет четкого представления о том, какое предупреждение является их предметом. В уголовно-правовых исследованиях изучаются общие вопросы предупреждения преступности [65, с. 31–49], меры исправительного воздействия нередко рассматриваются как меры криминологической профилактики [66, с. 143–145], в предмет криминологии включаются аспекты предупредительного воздействия наказания [67, с. 167]. Недостаток такого подхода состоит в основном в том, что меры криминологической профилактики связывают преимущественно с принуждением. Нами, напротив, уже отмечалось, что криминологическое предупреждение в значительной мере не связано с принуждением. Нередко криминологи обсуждают проблему общесоциального воздействия на преступность, называя его общесоциальным (общим) предупреждением преступности, подчеркивая при этом, что такое предупреждение непосредственно на преступность не воздействует и обеспечивает действие антикриминологических факторов [10, с. 101; 22, с. 194].

Полагаем, что более обоснованной является позиция исследователей, в качестве предмета криминологии выделяющих именно криминологическое предупреждение преступности [17, с. 157–161; 61, с. 14–25], которое отличается, с одной стороны, от общесоциального предупреждения, с другой стороны, от иных видов специального предупреждения преступности. Общесоциальные меры не следует включать в предмет криминологии, так как они опосредованно направлены на преступность через решение общесоциальных задач. Профилактический эффект этих мер — побочный результат их деятельности, связанный с улучшением условий жизнедеятельности населения. Если включать общесоциальные меры в предмет криминологии, основным элементом которого является преступность, то получится, что вся общесоциальная политика государства и общества в целом направлена на предупреждение преступности. Представляется, что перед общесоциальной политикой стоят более важные про-

блемы, связанные с выживанием современного социума (например, экологические), чем проблема преступности, несмотря на исключительную важность последней.

Меры уголовной политики и криминологические меры профилактики предназначены непосредственно для противодействия преступности. Вместе с тем между этими мерами немало различий. Прежде всего, меры уголовной политики воздействуют на лиц, совершивших преступление. Меры криминологического предупреждения воздействуют на лиц, совершивших преступление и административные правонарушения, на лиц с иным социально отклоняющимся поведением, на детерминанты преступности. Меры уголовной политики основаны на нормах уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, их сущностью является правовое принуждение. Меры криминологического предупреждения основаны на нормативных актах, составляющих профилактическое законодательство, либо регулируются правом в общей форме (например, воспитательное воздействие). Значительная часть криминологических мер, как уже неоднократно отмечалось, не связана с принуждением. И наконец, меры уголовной политики реализуются в основном органами правосудия (в широком смысле), в реализации криминологического предупреждения участвует более широкий круг государственных и негосударственных органов, должностных лиц и отдельных граждан [68, с. 12–13].

Завершая рассмотрение вопроса о криминологическом предупреждении преступности, отметим, что исследование общих проблем противодействия преступности, формирование стратегии такого противодействия, выработка программ (концепций) воздействия на преступность должны быть предметом междисциплинарного исследования наук криминального цикла. Подчеркнем, что в литературе по этому вопросу высказывалось мнение о том, что указанные проблемы должны быть предметом криминологии [69, с. 9]. Полагаем, что эти вопросы выходят за рамки предмета криминологии и отдельно каждой из наук криминального цикла.

Итак, развитие криминологических исследований позволяет утверждать, что предмет криминологии составляют следующие элементы:

– преступность как социальное (общественно опасное, относительно массовое, исторически изменчивое) и уголовно-правовое явление, включающее в себя образующую систему сово-

купность преступлений и лиц, их совершивших, на определенной территории в определенный промежуток времени;

– криминологическая обусловленность криминализации и декриминализации деяний;

– личность преступника как совокупность социальных, биологических и психологических качеств лица, совершившего преступление;

– детерминанты преступности (причины, условия, факторы);

– криминологическое предупреждение преступности, осуществляемое в форме принуждения, не связанного с реализацией мер уголовно-правового характера, а также в форме защиты прав и законных интересов личности, оказания ей социальной и правовой помощи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советская криминология : учебник / А.А. Герцензон [и др.] ; отв. ред. А.А. Герцензон, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. — М. : Юрид. лит., 1966. — 320 с.
2. Гельфер М.А. Советская криминология / М.А. Гельфер, П.И. Гришаев, Б.В. Здравомыслов. — М. : Всесоюз. юрид. заоч. ин-т, 1967. — 120 с.
3. Блувштейн Ю.Д. Личность преступника как предмет криминологического исследования / Ю.Д. Блувштейн // Вопросы борьбы с преступностью. — 1971. — № 13. — С. 3–21.
4. Долгова А.И. Преступление и личность преступника в свете изучения причин преступности / А.И. Долгова // Вопросы борьбы с преступностью. — 1979. — № 30. — С. 3–16.
5. Криминология / под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. — М. : Юрид. лит., 1988. — 384 с.
6. Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. — М. : Юрист, 1997. — 512 с.
7. Алексеев А.И. Криминология / А.И. Алексеев. — М. : Щит-М, 1998. — 340 с.
8. Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.Н. Аргуновой. — М. : Зерцало-М, 2001. — 208 с.
9. Криминология / под ред. В.Д. Малкова. — М. : Юстицинформ, 2004. — 528 с.
10. Кудрявцев В.Н. Лекции по криминологии / В.Н. Кудрявцев. — М. : Юрист, 2005. — 188 с.
11. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. / В.В. Лунеев. — М. : Юрайт, 2011. — Т. 1 : Общая часть. — 1003 с.
12. Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление / Г.А. Аванесов. — Горький : Изд-во Высш. шк. МВД СССР, 1975. — 423 с.
13. Миллер А.И. Противоправное поведение несовершеннолетних: генезис и ранняя профилактика / А.И. Миллер. — Киев : Наукова думка, 1985. — 150 с.
14. Криминология. Общая часть / под ред. В.В. Орехова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1992. — 216 с.
15. Клейменов М.П. Криминология : учебник / М.П. Клейменов. — М. : Норма, 2009. — 448 с.
16. Антонян Ю.М. Криминология / Ю.М. Антонян. — М. : Юрайт, 2012. — 523 с.
17. Устинов В.С. Криминология. Общая часть / В.С. Устинов. — Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2001. — 231 с.
18. Криминология / под ред. В. Е. Эминова. — М. : Норма, 1997. — 160 с.
19. Прозументов Л.М. Криминология. Общая часть / Л.М. Прозументов, А.В. Шеслер. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. — 284 с.
20. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. — 214 с.
21. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 232 с.
22. Репецкая А.Л. Криминология. Общая часть : учеб. пособие / А.Л. Репецкая, В.Я. Рыбальская. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1999. — 240 с.
23. Хохряков Т.Ф. Криминология / Т.Ф. Хохряков. — М. : Юрист, 2002. — 511 с.
24. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты / А.В. Шеслер. — Саратов : Сателлит, 2006. — 154 с.
25. Клейменов М.П. Нераскрытая преступность / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов. — М. : Норма, 2015. — 208 с.
26. Карпец И.И. Проблема преступности / И.И. Карпец. — М. : Юрид. лит., 1969. — 168 с.
27. Карпец И.И. О природе и причинах преступности в СССР / И.И. Карпец // Советское государство и право. — 1966. — № 4. — С. 82–91.
28. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность / И.И. Карпец. — М. : Рос. право, 1992. — 423 с.
29. Шур Э.М. Наше преступное общество: Социальные и правовые источники преступности в Америке / Э.М. Шур. — М. : Прогресс, 1977. — 326 с.
30. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 912 с.
31. Delinquency Areas / C.R. Shaw [et al.]. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1929.
32. Morris T. The Criminal Area / T. Morris. — London : Routledge, 1958. — 202 p.
33. White R.C. A Study of Residence and Place of Offence of Felons in Indianapolis / R.C. White // Social Forces. — 1932. — 10 May. — P. 498–509.
34. Schmid C.F. Urban Crime Areas. Part II / C.F. Schmid // American Sociological Review. — 1960. — Vol. 25, iss. 5. — P. 655–678.
35. Lottier S. Distribution of Criminal Offences in Metropolitan Regions / S. Lottier // Journal of Criminal Law and Criminology. — 1938. — № 29. — P. 39–43.

36. Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / С.В. Бородин. — М. : Наука, 1990. — 272 с.
37. Вицин С.Е. Системный подход и преступность / С.Е. Вицин. — М. : Акад. упр. МВД России, 1980. — 140 с.
38. Конев А.А. Преступность в России и ее реальное состояние / А.А. Конев. — Н. Новгород : Сэтрик, 1992. — 324 с.
39. Шахматов А.В. Преступность. Методические указания для применения системного и вероятного методов исследования / А.В. Шахматов. — Л. ; Красноярск, 1978. — 118 с.
40. Шестаков Д.А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник / Д.А. Шестаков. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. — 561 с.
41. Моргунов С.В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности и ее профилактика в деятельности уголовного розыска / С.В. Моргунов. — Тюмень : Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. — 147 с.
42. Ли Д.А. Преступность в структуре общества / Д.А. Ли. — М. : Рус. мир, 2000. — 154 с.
43. Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды / Н.А. Неклюдов. — М. : Инфра-М, 2009. — 197 с.
44. Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Д.А. Дриль. — М. : Инфра-М, 2006. — 770 с.
45. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики / М.П. Чубинский. — М. : Инфра-М, 2008. — 435 с.
46. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / С.В. Познышев. — М. : Инфра-М, 2007. — 302 с.
47. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии / И.С. Ной. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1975. — 222 с.
48. Антонян Ю.М. Криминальная патопсихология / Ю.М. Антонян, В.В. Гульдан. — М. : Наука, 1991. — 243 с.
49. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения / К.Е. Игошев. — Горький : Горьк. высш. шк. МВД СССР, 1974. — 168 с.
50. Личность преступника / Кудрявцев В.Н. [и др.]. — М. : Юрид. лит., 1975. — 270 с.
51. Бочкарева Г.Г. Вопросы изучения личности преступника и их значение для криминологии / Г.Г. Бочкарева // Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних : сб. тр. / ред. В.Н. Кудрявцев. — М., 1970. — Ч. 1. — С. 96–100.
52. Долгова А.И. Правосознание в механизме преступного поведения и его дефекты у несовершеннолетних / А.И. Долгова // Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних : сб. тр. / ред. В.Н. Кудрявцев. — М., 1970. — Ч. 1. — С. 135–149.
53. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследование преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. — М. : Юрист, 1996. — 336 с.
54. Социальные отклонения / С.В. Бородин [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрид. лит., 1989. — 368 с.
55. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.С. Эминов. — М. : Инфра-М, 2010. — 368 с.
56. Булатов Р.М. Преодолевая навязанные стереотипы: социальное и биологическое в правонарушающем поведении: теоретико-экспериментальный аспект / Р.М. Булатов. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014. — 100 с.
57. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / Н.Ф. Кузнецова ; под ред. В.Н. Кудрявцева. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 200 с.
58. Сахаров А.Б. О концепциях причин в социалистическом обществе / А.Б. Сахаров // Советское государство и право. — 1976. — № 9. — С. 25–34.
59. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. — М. : Наука, 1982. — 288 с.
60. Игошев К.Е. Социальный контроль и профилактика преступлений / К.Е. Игошев. — Горький : Горьк. высш. шк. МВД СССР, 1976. — 92 с.
61. Алексеев А.И. Криминологическая профилактика / А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев. — М. : Норма, 2001. — 496 с.
62. Филимонов О.В. Индивидуальная профилактика преступлений / О.В. Филимонов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. — 119 с.
63. Политический режим и преступность / под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.Н. Волкова, В.П. Сальникова. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. — 365 с.
64. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. — М. : Юрист, 2003. — 352 с.
65. Марцев А.И. Избранные труды / А.И. Марцев. — Омск : Изд-во Ом. акад. МВД России, 2003. — 272 с.
66. Южанин В.Е. Частное предупреждение преступлений как цель применения уголовного наказания в виде лишения свободы и средства ее реализации / В.Е. Южанин, Э.В. Жидков. — М. : Юрлитинформ, 2007. — 240 с.
67. Курганов С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологические аспекты / С.И. Курганов. — М. : Проспект, 2008. — 192 с.
68. Мальков С.М. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин. — Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2018. — 128 с.
69. Блувштейн Ю.Д. Профилактика преступлений / Ю.Д. Блувштейн, М.И. Зырин, В.В. Романов. — Минск : Университетское, 1986. — 287 с.

REFERENCES

1. Gertsenzon A.A., Zvirbul' V.K., Karpets I.I., Kasatkin Yu.P.; Gertsenzon A.A., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. (eds.). *Sovetskaya kriminologiya* [Soviet Criminology]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1966. 320 p.

2. Gel'fer M.A., Grishaev P.I., Zdravomyslov B.V. *Sovetskaya kriminologiya* [Soviet Criminology]. Moscow, All-Union Correspondence Institute of Law Publ., 1967. 120 p.
3. Bluvshstein Yu.D. Criminal Personality as an Object of Criminological Research. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu = Issues of Counteracting Crime*, 1971, no. 13, pp. 3–21. (In Russian).
4. Dolgova A.I. Crime and the personality of a criminal in the light of researching the causes of crime. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu = Issues of Counteracting Crime*, 1979, no. 30, pp. 3–16. (In Russian).
5. Korobeinikov B.V., Kuznetsova N.F., Min'kovskii G.M. (eds.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1988. 384 p.
6. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. (eds.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yurist'' Publ., 1997. 512 p.
7. Alekseev A.I. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Shchit-M Publ., 1998. 340 p.
8. Kuznetsova N.F., Argunova Yu.N. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2001. 208 p.
9. Malkov V.D. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2004. 528 p.
10. Kudryavtsev V.N. *Lektsii po kriminologii* [Lecture in Criminology]. Moscow, Yurist'' Publ., 2005. 188 p.
11. Luneev V.V. *Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii* [A Course in the World and Russian Criminology]. Moscow, Yurait Publ., 2011. Vol. 1. 1003 p.
12. Avanesov G.A. *Kriminologiya. Prognostika. Upravlenie* [Criminology. Prognostics. Management]. Gorky, Higher School of MIA of the USSR Publ., 1975. 423 p.
13. Miller A.I. *Protivopravnoe povedenie nesovershennoletnikh: Genезis i rannaya profilaktika* [Illegal Behavior of Minors: Genesis and Early Prevention]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1985. 150 p.
14. Orekhov V.V. (ed.). *Kriminologiya. Obshchaya chast'* [Criminology. General Part]. Saint Petersburg State University Publ., 1992. 216 p.
15. Kleimenov M.P. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Norma Publ., 2009. 448 p.
16. Antonyan Yu.M. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yurait Publ., 2012. 523 p.
17. Ustinov V.S. *Kriminologiya. Obshchaya chast'*. [Criminology. General Part]. Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia Publ., 2001. 231 p.
18. Eminov V.E. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Norma Publ., 1997. 160 p.
19. Prozumentov L.M., Shesler A.V. *Kriminologiya. Obshchaya chast'*. [Criminology. General part]. Tomsk State University Publ., 2017. 284 p.
20. Filimonov V.D. *Kriminologicheskie osnovy ugovolnogo prava* [The Criminological Basis of Criminal Law]. Tomsk State University Publ., 1981. 214 p.
21. Kuznetsova N.F. *Prestuplenie i prestupnost'* [Crime and Criminality]. Moscow State University Publ., 1969. 232 p.
22. Repetskaya A.L., Rybal'skaya V.Ya. *Kriminologiya. Obshchaya chast'* [Criminology. General Part]. Irkutsk State Economics Academy Publ., 1999. 240 p.
23. Khokhryakov T.F. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yurist'' Publ., 2002. 511 p.
24. Shesler A.V. *Gruppovaya prestupnost': kriminologicheskie i ugovolno-pravovye aspekty* [Group Crimes: Criminological and Criminal Law Aspects]. Saratov, Satellit Publ., 2006. 154 p.
25. Kleimenov M.P., Kleimenov I.M. *Neraskrytaya prestupnost'* [Unsolved Crime]. Moscow, Norma Publ., 2015. 208 p.
26. Karpets I.I. *Problema prestupnosti* [Problem of Crime]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1969. 168 p.
27. Karpets I.I. On the nature and causes of crime in the USSR. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1966, no. 4, pp. 82–91. (In Russian).
28. Karpets I.I. *Prestupnost': illyuzii i real'nost'* [Crime: Illusion and Reality]. Moscow, Rossiiskoe Pravo Publ., 1992. 267 p.
29. Schur E.M. Our Criminal Society: the Social and Legal Sources of Crime in America. Englewood Cliff, Prentice-Hall, 1969. 244 p. (Russ. ed.: Shur E.M. *Nashe prestupnoe obshchestvo: Sotsial'nye i pravovye istochniki prestupnosti v Amerike*. Moscow, Progress Publ., 1977. 326 p.).
30. Luneev V.V. *Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossiiskie tendentsii* [Crimes of the 20th Century: Global, Regional and Russian Trends]. 2nd ed. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2005. 912 p.
31. Shaw C.R., Zorbaugh F.M., McKay H.D., Cottrell L.S. *Delinquency Areas*. Chicago, University of Chicago Press, 1929.
32. Morris T. *The Criminal Area*. London, Routledge, 1958. 202 p.
33. White R.C. A Study of Residence and Place of Offence of Felons in Indianapolis. *Social Forces*, 1932, 10 May, pp. 498–509.
34. Schmid C.F. Urban Crime Areas. Part II. *American Sociological Review*, 1960, vol. 25, iss. 5, pp. 655–678.
35. Lottier S. Distribution of Criminal Offences in Metropolitan Regions. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 1938, no. 29, pp. 39–43.
36. Borodin S.V. *Bor'ba s prestupnost'yu: teoreticheskaya model' kompleksnoi programmy* [Crime Fighting: Theoretical Model of Complex Program]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 272 p.
37. Vitsin S.E. *Sistemnyi podkhod i prestupnost'* [System Approach and Crime]. Moscow, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1980. 140 p.
38. Konev A.A. *Prestupnost' v Rossii i ee real'noe sostoyanie* [Crime in Russia and its Real Condition]. Nizhny Novgorod, Setrik Publ., 1992. 324 p.
39. Shakhmatov A.V. *Prestupnost'. Metodicheskie ukazaniya dlya primeneniya sistemnogo i veroyatnogo metodov issledovaniya* [Crime. Methodological guidelines for the application of systemic and probability research methods]. Leningrad, Krasnoyarsk, 1978. 118 p.
40. Shestakov D.A. *Kriminologiya. Novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti. Kriminogennye zakony i kriminologicheskoe zakonodatel'stvo. Protivodeistvie prestupnosti v izmenyayushchemsya mire* [Criminology. New Approaches to Crime and Delinquency. Criminal Laws and Criminological Legislation. Counteracting Crimes in a Changing World]. 2nd ed. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentri Press Publ., 2006. 561 p.

41. Morgunov S.V. *Kriminologicheskaya kharakteristika retsidivnoi prestupnosti i ee profilaktika v deyatel'nosti ugovnogo rozyska* [Criminological Characteristics of Recidivism and its Prevention in the Activities of Criminal Investigation]. Tyumen Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2012. 147 p.
42. Li D.A. *Prestupnost' v strukture obshchestva* [Crime is in the Structure of Society]. Moscow, Russkii Mir Publ., 1971. 154 p.
43. Neklyudov N.A. *Ugolovno-statisticheskie etyudy* [Criminal-Statistical Essays]. Moscow, Infra-M Publ., 2009. 197 p.
44. Dril' D.A. *Prestupnost' i prestupniki. Uchenie o prestupnosti i merah bor'by s neyu* [Crime and Criminals. Theory of Crime and its Counteraction]. Moscow, Infra-M Publ., 2006. 770 p.
45. Chubinskii M.P. *Ocherki ugovnoi politiki* [Essays on Criminal Policy]. Moscow, Infra-M Publ., 2008. 435 p.
46. Poznyshhev S.V. *Kriminal'naya psikhologiya. Prestupnye tipy. O psikhologicheskom issledovanii lichnosti kak sub"ekta povedeniya voobshche i ob izuchenii lichnosti prestupnika v chastnosti* [Criminal Psychology. Criminal Types. On Psychological Research of Personality as Subject of Behavior in General and Research of Personality of Criminal in Particular]. Moscow, Infra-M Publ., 302 p.
47. Noi I.S. *Metodologicheskie problemy sovetskoj kriminologii* [Methodological issues of Soviet criminology]. Saratov State University Publ., 1975. 222 p.
48. Antonyan Yu.M., Gul'dan V.V. *Kriminal'naya patopsikhologiya* [Criminal Patho-psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 243 p.
49. Igoshev K.E. *Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Typology of the Identity of the Criminal and Motivation of Criminal Behavior]. Gorky Higher School of Ministry of Internal Affairs Publ., 1974. 168 p.
50. Kudryavtsev V.N., Kondrashkov N.N., Leikina N.S., Min'kovskii G.M. *Lichnost' prestupnika* [Personality of a criminal]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1975. 270 p.
51. Bochkareva G.G. Issues of researching the personality of the criminal and their significance for criminology. In Kudryavtsev V.N. *Voprosy izucheniya i preduprezhdeniya pravonarushenii nesovershennoletnikh* [Issues of Researching and Preventing Underage Crime]. Moscow, 1970, pt. 1, pp. 96–100. (In Russian).
52. Dolgova A.I. Legal consciousness in the mechanism of criminal behavior and its defects in teenagers. In Kudryavtsev V.N. *Voprosy izucheniya i preduprezhdeniya pravonarushenii nesovershennoletnikh* [Issues of Researching and Preventing Underage Crime]. Moscow, 1970, pt. 1, pp. 135–149. (In Russian).
53. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. *Psikhologiya prestupnika i rassledovanie prestuplenii* [Psychology of a Criminal and Crime Investigation]. Moscow, Yurist' Publ., 1996. 336 p.
54. Borodin S.V., Kudryavtsev V.N., Kudryavtsev Yu.V., Nersesyants V.S. *Sotsial'nye otkloneniya* [Social Deviations]. 2nd ed. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1989. 368 p.
55. Antonjan Ju.M., Jeminov V.S. *Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psihologicheskoe issledovanie* [Personality of Criminal. Criminological and Psychological Study]. Moscow, Infra-M Publ., 2010. 368 p.
56. Bulatov R.M. *Preodolevaya navyazannye stereotipy: sotsial'noe i biologicheskoe v pravonarushayushchem povedenii: teoretiko-eksperimental'nyi aspekt* [Overcoming the Imposed Stereotypes: the Social and the Biological in the Delinquent Behavior: Theoretical and Experimental Aspect]. Kazan State University Publ., 2014. 100 p.
57. Kuznetsova N.F.; Kudryavtsev V.N. (ed.). *Problemy kriminologicheskoi determinatsii* [Problems of Criminal Determination]. Lomonosov Moscow State University Publ., 1984. 200 p.
58. Sakharov A.B. On the Conception of the Causes of Crime in Socialist Society. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1976, no. 9, pp. 25–34. (In Russian).
59. Kudryavtsev V.N. *Pravovoe povedenie: norma i patologiya* [Legal Behavior: Norm and Pathology]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 288 p.
60. Igoshev K.E. *Sotsial'nyi kontrol' i profilaktika prestuplenii* [Social control and crime prevention]. Gorky Higher School of Ministry of Internal Affairs Publ., 1976. 92 p.
61. Alekseev A.I., Gerasimov S.I., Sukharev A.Ya. *Kriminologicheskaya profilaktika* [Criminological Prevention]. Moscow, Norma Publ., 2001. 496 p.
62. Filimonov O.V. *Individual'naya profilaktika prestuplenii* [Individual Crime Prevention]. Tomsk State University Publ., 1985. 119 p.
63. Burlakov V.N., Volkov Yu.N., Sal'nikov V.P. (eds.). *Politicheskii rezhim i prestupnost'* [Political Regime and Criminality]. Saint Petersburg, Yuridicheskyy Tcentr Press Publ., 2001. 365 p.
64. Kudryavtsev V.N. *Strategii bor'by s prestupnost'yu* [Strategies for Counteracting Crime]. Moscow, Jurist' Publ., 2003. 352 p.
65. Martsev A.I. *Izbrannye trudy* [Selected Research Papers]. Omsk Academy of the Russian Ministry of the Interior Publ., 2003. 272 p.
66. Yuzhanin V.E., Zhidkov E.V. *Chastnoe preduprezhdenie prestuplenii kak tsel' primeneniya ugovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody i sredstva ee realizatsii* [Personal Crime Prevention as a Goal of Criminal Punishment of Incarceration and Means of its Execution]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 240 p.
67. Kurganov S.I. *Nakazanie: ugovovno-pravovoi, ugovovno-ispolnitel'nyi i kriminologicheskie aspekty* [Punishment: Criminal Law, Criminal-Executive and Criminological Aspects]. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 192 p.
68. Malkov S.M., Shesler A.V., Teplyashin P.V. *Ugolovno-pravovaya i ugovovno-ispolnitel'naya politika Rossiiskoi Federatsii* [Criminal Law and Penitentiary Policy of the Russian Federation]. Krasnoyarsk, Siberian Law Institute of the Russian Interior Ministry Publ., 2018. 128 p.
69. Bluvshstein Yu.D., Zyrin M.I., Romanov V.V. *Profilaktika prestuplenii* [Crime Prevention]. Minsk, Universitetskoe Publ., 1986. 287 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Прокументов Лев Михайлович — профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Томск, Российская Федерация; e-mail: krim_tsu@mail.ru

Шеслер Александр Викторович — профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Российская Федерация; профессор кафедры уголовного права Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, доктор юридических наук, профессор, г. Новокузнецк, Российская Федерация; e-mail: sofish@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Прокументов Л.М. Предмет отечественной криминологии / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 3. — С. 369–384. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).369-384.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Prozumentov, Lev M. — Professor, Chair of Penitentiary Law and Criminology, Law Institute, National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor, Tomsk, the Russian Federation; e-mail: krim_tsu@mail.ru.

Shesler, Alexander V. — Professor, Chair of Criminal Law, Law Institute, National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation; Professor, Chair of Criminal Law, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Novokuznetsk, the Russian Federation; e-mail: sofish@inbox.ru.

FOR CITATION

Prozumentov L.M., Shesler A.V. The object of Russian criminology. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 369–384. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).369-384. (In Russian).